
К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПОЭМА АКАДЕМИКА Ф.Б. ГРЕФЕ, ПОСВЯЩЁННАЯ СТОЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК

© 2024 г. Е.Ю. Басаргина^{а,*}, М.Н. Додеус^{а,*}

^аСанкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: spbaran_publications@bk.ru

Поступила в редакцию 09.07.2024 г.

После доработки 15.07.2024 г.

Принята к публикации 29.07.2024 г.

Поэма академика по греческой и римской словесности Ф.Б. Грефе, приуроченная к столетию Императорской академии наук, стала ярким событием юбилейных мероприятий. Она была написана на греческом языке (а также переведена автором на немецкий) и предназначалась для президента Академии наук С.С. Уварова, которого Грефе много лет наставлял в классических дисциплинах, и для узкого круга коллег. К 300-летию Российской академии наук был подготовлен стихотворный перевод поэмы на русский язык. В статье рассмотрены основные сюжетные линии произведения: панегирик императорской семье, обзор коллекций Кунсткамеры, гимн Петербургу и восхищение мощью Невы.

Ключевые слова: Ф.Б. Грефе, С.С. Уваров, коммеморация, панегирическая поэзия, классическая филология, Академия наук.

DOI: 10.31857/S0869587324090062, **EDN:** FCBQNH

“Славный пускай этот день озарится священным сияньем,

Коего я никогда в жизни своей не видал.

Свет свой, солнце, пролей на чудесно явившийся город,

Что был основан Петром, и Академию в нём”.

Так начинается здравица в честь столетия Академии наук, которое отмечалось 29 декабря 1826 г. [1].

БАСАРГИНА Екатерина Юрьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности СПбФ АРАН. ДОДЕУС Мария Николаевна — младший научный сотрудник отдела публикаций и выставочной деятельности СПбФ АРАН.

В тот день академию удостоили визитом император Николай I, императрицы Александра Фёдоровна и Мария Фёдоровна, восьмилетний наследник великий князь Александр Николаевич и великий князь Михаил Павлович с супругой Еленой Павловной. Присутствие вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны стало особенно примечательным событием, поскольку ранее она участвовала в 50-летнем юбилее академии. Она стала живым олицетворением связи времён и преемственности академических традиций. Вековой юбилей способствовал популяризации достижений Академии наук и повышению её авторитета в образованных кругах.

На торжественном заседании прозвучали приветственные речи, был сделан исторический обзор успехов академии за целый век её существования [2]. Был оглашён список вновь избранных 50 почётных членов и членов-корреспондентов, в том числе иностранных. Его возглавляли имена императора и членов царской семьи. Затем августейшим особам были представлены результаты издательской деятельности Академии наук за 10 лет, в частности поэма ординарного академика по греческой и римской словесности Ф.Б. Грефе [3, с. 130–133; 4] (рис. 1) на греческом языке “ΤΗΝ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ ΤΗΝ ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗ ΚΘ ΤΟΥ ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ ΗΙ

ΤΟΥ ΑΩΚΣ ΕΤΟΥΣ” (“Императорской академии наук в Санкт-Петербурге — на праздник её первого столетия 29 декабря 1826 г.”) (рис. 2) [5, 6]. Грефе также перевёл поэму на родной ему немецкий язык (“Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg bey Ihrer ersten Saecular-Feier den XXIX. Dezember MDCCCXXVI”) и напечатал её отдельной брошюрой с пометой “Für Wenige aus dem Griechischen übersetzt vom Verfasser” — “для немногих” [7, 8]. Немногие — это прежде всего коллеги по Академии наук, в большинстве своём немцы, а также европейская учёная публика.

Ф.Б. Грефе занимался античной поэзией, был мастером филологического анализа древних стихотворных текстов и сам обладал поэтическим талантом, легко писал стихи на греческом и латинском языках. Будучи студентом Лейпцигского университета, он стал последователем своего преподавателя Г. Германа — главы критическо-грамматической филологической школы, которая видела в изучении языка самый надёжный путь к пониманию древней жизни. После защиты диссертации на степень магистра в 1805 г. (в России был признан как доктор философии) служил домашним учителем в Лифляндии в семье ландрата К.Г. Самсон фон Гиммельшерна (1750–1825), впоследствии женился на его дочери. В 1810 г. был приглашён преподавателем греческого и немецкого языков в только что открытую Санкт-Петербургскую духовную академию. За короткое время Грефе построил блестящую научную карьеру и приобрёл репутацию лучшего знатока древних языков и литературы в Петербурге.

Своей широкой известностью в столичных кругах Грефе обязан в первую очередь покровительству С.С. Уварова — крестника Екатерины Великой, завсегдатая аристократических салонов, человека весьма одарённого (рис. 3) [9–13]. Уваров обладал недюжинным красноречием и по праву считал себя учёным [14, 15]. Он стоял у истоков литературного общества “Арзамас” и принадлежал к числу «выслужившихся “арзамасских гусей”» [16, с. 304], которые не ушли в литературную деятельность, а посвятили себя государственной службе. Большая часть жизни Уварова была связана с Министерством народного просвещения: свою административную карьеру он начал в возрасте 24 лет попечителем Петербургского учебного округа (1811–1821), а в 32 года возглавил Императорскую академию наук и занимал кресло президента до конца своей жизни (1818–1855).

В молодые годы Уваров увлекался неогуманизмом — культурным течением, охватившим все области искусства, литературы и мировоззрения. Неогуманисты возродили утраченную идею гуманности и выдвинули новый идеал образования — полное развитие духовной природы человека. Воплощение гармоничной личности, способной к свободному внутреннему саморазвитию, они увидели в древних эллинах. Неогуманисты призывали всем серд-

Рис. 1. Фёдор Богданович Грефе (Christian Friedrich Gräfe, 1780–1851)

цем отдаться эллинской древности, следовать духу греков, чувствовать, думать и действовать, как они. Свою школу они ориентировали на творческое восприятие античности не как некой нормы или образца для слепого подражания, а как источника главных культурных ценностей западной цивилизации. Постижение античной культуры открывало путь к становлению культуры национальной. Уваров проникся верой в образовательный идеал античности и с воодушевлением воспринял призыв “Bilde dich griechisch” (“воспитай из себя грека”) [17]. Он преклонялся перед И. Гёте — признанным лидером неогуманизма и романтизма, восхищался Ф. Вольфом (1759–1824) — “heros eronymos” классической филологии. Уварова вдохновляли идеи В. фон Гумбольдта, который реформировал прусскую систему образования, сделав акцент на древних языках.

В основу образовательной политики С.С. Уварова легли представления о фундаментальной роли греческого классицизма в культурном развитии России, хотя впоследствии он усомнился в универсальности западной модели развития общества и просвещения. Будучи попечителем Санкт-Петербургского учебного

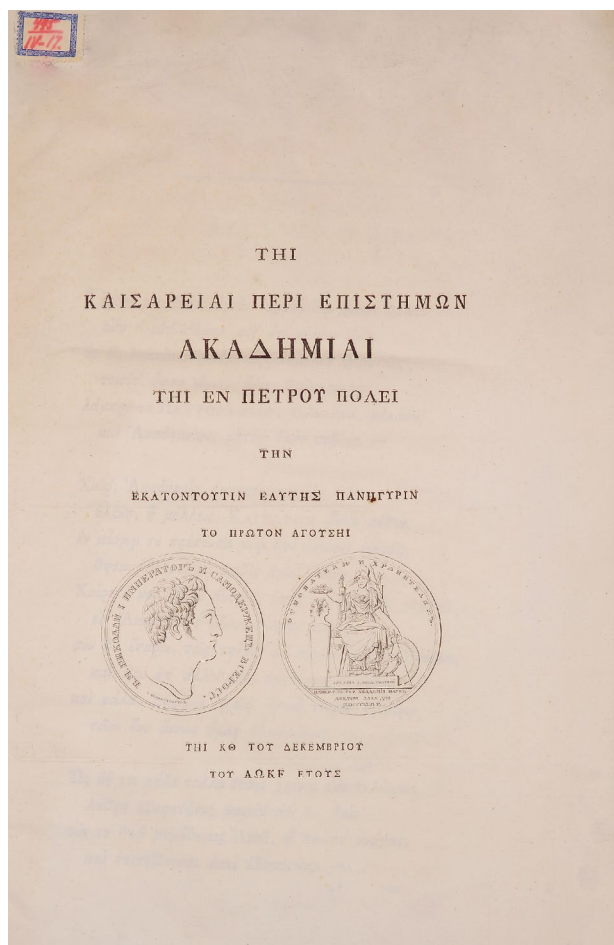

Рис. 2. Титульный лист поэмы Ф.Б. Грефе “Императорской академии наук в Санкт-Петербурге — на праздник её первого столетия 29 декабря 1826 г.”

округа, он полностью обновил учебную программу единственной в то время гимназии в Петербурге, отдав предпочтение классическим языкам и литературе. Это вряд ли удалось бы без поддержки именитого филолога-классика. Именно поэтому вскоре после вступления в должность попечителя Уваров познакомился с Ф.Б. Грефе и привлёк его к преподаванию в Санкт-Петербургской гимназии, Педагогическом институте, а позже — в созданном на его основе Петербургском университете, где стараниями Сергея Семёновича классические дисциплины заняли почётное место. На протяжении первой половины XIX в. изучение классических языков в Петербурге поддерживалось исключительно авторитетом Ф.Б. Грефе, на которого “смотрели как на гиганта учёности” [18, с. 73]. По словам ректора университета П.А. Плетнёва, обширные познания Грефе соединялись “с характером твёрдым и решительною волею, он в отношении к слушателям своим неуклончив, даже строг, но сочувлив, беспристрастен и готов каждому служить советом и помощью” [19, с. 57]. “Страшный Грефе” — так называли его студенты [20, с. 201].

Рис. 3. Сергей Семёнович Уваров (1786–1855)

С.С. Уваров был самым известным учеником Ф.Б. Грефе и на протяжении 15 лет брал у него частные уроки греческого языка [21]. Начало занятий, которые впоследствии переросли в дружбу, совпало с назначением Уварова попечителем учебного округа. Этот солидный пост он получил в таком возрасте, когда другие “только что начинают своё университетское воспитание”. Вскоре он отметил у себя недостаток знания древних языков и, чтобы восполнить этот пробел, обратился к Грефе. Благодаря еженедельным занятиям он прошёл основательную филологическую школу и с исключительным пиететом вспоминал своего наставника, который, по его словам, “со специальной эрудицией соединял утончённость вкуса и проницательность ума — такие качества, при которых совершенно способен был доказать, что эти так называемые *мёртвые* языки, на известной высоте понимания их, одушевлены более, чем когда-либо, и что многие из новейших языков пользуются против них гораздо меньшим правом называться *живыми*” [22, с. 48].

Став президентом Академии наук, С.С. Уваров позаботился о том, чтобы его учёный друг был принят в её состав. В 1818 г. Ф.Б. Грефе был избран членом-корреспондентом, а в 1820 г. — ординарным академиком на выхлопотанную Уваровым специ-

ально для него кафедру греческой и римской словесности [23]. Грефе стал первым профессором Петербургского университета, избранным в Академию наук, и это звание ещё больше укрепило его научную славу. В знак благодарности, *captandae benevolentiae causa* (“ради искательства расположения”) Ф.Б. Грефе написал к столетнему юбилею Академии наук большую поэму на древнегреческом языке, представляющую собой произведение, которое, по аналогии с новолатинской поэзией, можно назвать новодревнегреческим (от нем. “Neualt griechisch”).

Поэт воспроизвёл ионический диалект, на котором были написаны древние эпические поэмы, и использовал разнообразные художественные приёмы высокого стиля, свойственные одам и поэмам, приуроченным к определённому событию, и поддерживающие экспрессию и патетику хвалебной песни. Особенности греческого текста Грефе — обилие неологизмов, которые не употреблялись в древности и были придуманы им самим. Немецкий перевод максимально приближен к оригиналу и является практически дословным. В связи с празднованием 300-летия Российской академии наук археолог и поэт Н.В. Головачёва подготовила художественный перевод поэмы на русский язык.

Поэма насчитывает 430 строк и написана элегическим дистихом (элегическим двустишием), состоящим из нерифмованных строк: первая — гексаметр, вторая — пентаметр. Здесь отсутствует рифма, а ритмичность создаётся чередованием долгих и кратких слогов. И в немецком, и в русском переводе стройная силлабическая структура элегического дистиха по возможности сохранена.

В прологе Ф.Б. Грефе воспекает Петербург и торженно пишет об основании Петром I Академии наук. Следуя традициям панегирической поэзии, он прославляет членов императорской семьи, в первую очередь Петра Великого и его супругу Екатерину I, покровительству которых академия была обязана своим процветанием¹:

“В радости ЦАРЬ пребывал, мудро решил ОН тогда:

Быть Академии здесь — такова МОЯ ЦАРСКАЯ воля!

Но не случилось ЕМУ это свершить самому.

ЦАРЬ, по воле судеб, слишком рано был взят небесами,

Правда, СУПРУГА ЕГО мужа достойной была:

Храм науки ОНА для России сумела построить.

Так Академия здесь, в бывшем болотном краю

Волей великой ЦАРЕЙ появилась во славу науки”.

¹ Грефе сознательно использует прописные при обращении и упоминании членов царской семьи, в том числе в местоимениях. В переводе сохранена данная особенность оригинала, отражающая сервизм автора.

Наравне с Петром и Екатериной поэт возносит хвалу президенту академии и своему другу С.С. Уварову:

“Рад будь, Сергей, и ты — президент Академии славной

В этот торжественный день — ты ведь достоин его”.

Уваров прилагал все усилия, чтобы представить вверенную его заботам Академию наук в её полном величии. Для него это стало шансом поправить своё пошатнувшееся положение и вернуться в политику. В последние годы царствования Александра I Уваров упустил из виду изменение внутривластного климата, пренебрёг разочарованием императора в возможностях просвещения и даже противодействовал новой образовательной политике, опиравшейся исключительно на христианские ценности. В конце концов он попал в опалу, а вверенный его заботам Петербургский университет был разгромлен “друзьями мрака” Д.П. Руничем и М.Л. Магницким.

В 1821 г. он ушёл с должности попечителя и поступил на службу в Министерство финансов. Новое назначение он использовал во благо академии, которая в то время находилась в упадке. Сергей Семёнович позаботился о том, чтобы хотя бы внешне вернуть ей благопристойный вид. Здание Кунсткамеры, вмещавшее коллекции академического музея, библиотеку и астрономическую обсерваторию, было капитально отремонтировано. Ветхий деревянный дворец Прасковьи Фёдоровны, где размещалась типография, после наводнения 1824 г. был разобран, а участок отошёл Министерству финансов, но взамен во дворе главного здания академии был построен новый флигель. Ещё один дом под типографию Уварову удалось получить на 9-й линии Васильевского острова.

При вступлении С.С. Уварова в должность президента главное здание Академии наук, построенное в 1780-е годы по проекту Дж. Кваренги, оставалось без внутренней отделки и постепенно разрушалось. К юбилею сделали новую крышу, заново покрасили фасад и отремонтировали парадное крыльцо. Большой конференц-зал, в котором даже не было пола, был отреставрирован и изысканно оформлен. Перемены во внешнем облике академических зданий также отмечены в поэме Грефе:

“Век существует уже Академия — мать всем наукам.
В новом уборе теперь и в новом доме она”.

Подготовка к юбилею началась в 1824 г., однако катастрофическое наводнение в ноябре 1824 г., болель и смерть Александра I и декабрьские события

1825 г. отсрочили проведение торжеств. Когда на престол взойшёл Николай I, снова был поднят вопрос о дате юбилейного собрания. Уваров выбрал 29 декабря 1826 г., поскольку в этот же день в 1776 г. состоялось публичное заседание в честь 50-летия академии, где присутствовали родители Николая I Павел Петрович и Мария Фёдоровна. Это стало поворотным моментом в карьере Уварова: он обратил на себя внимание императора и вскоре занял должность министра народного просвещения.

Торжественное заседание 29 декабря 1826 г. открылось приветственным докладом Уварова “О развитии науки в Академии за время её существования”, в котором он назвал её “первым хранилищем отечественного просвещения”, призванным “распространять до отдалённых пределов России знания общепользные”. Историю академии он представил как часть истории просвещённой монархии со времён Петра Великого до правления Александра I, который “твёрдой рукой сблизил свой век с веками Перикла и Августа” [2, с. 6]. Ему вторит Грефе: его повествование построено таким образом, что перед читателем проходят, сменяя друг друга, все члены императорской семьи.

Свой поэтический панегирик Грефе начинает с Екатерины II, вспоминает родителей Николая I, находит доброе слово для каждой из шести его сестёр, восторженно пишет о его старших братьях, рассказывает о смерти Александра I и его супруги Елизаветы Алексеевны, о последовавшем декабрьском междуцарствии 1825 г. и о борьбе великодушный двух братьев, Николая Павловича и цесаревича Константина Павловича, уступившего ему трон, о подавлении антиправительственного выступления и восшествии на престол Николая I:

“Благ при жизни был ЦАРЬ, по привычке делам СВОИМ предан.

В благости ОН и усоп, только о близких скорбя:

Шёл с СУПРУГОЮ ОН по дороге к источнику света.

Только вознёс ЕГО рок раньше НЕЁ к небесам.

Вздых последний ЦАРЯ уловила СУПРУГА гудами,

Вскоре готовая с НИМ тоже покинуть сей мир.

В час, лишь смерть подошла, не увидел её ИМПЕРАТОР:

Ангела ОН обнимал — образ СУПРУГИ СВОЕЙ.

Все же ушёл АЛЕКСАНДР, в СВОЁ время державу покинув —

Ведь завершить ОН успел все, что задумал, дела.

Бог к себе ЕГО взял отдохнуть после славных деяний,

Чтоб не увидел ОН зла, вскоре пришедшего в мир.

Бог провиденьем своим порадел и российской короне:

Принял её НИКОЛАЙ, сам не желая того.

И, по братской любви, БРАТУ скипетр послал ОН другому,

Чтобы страной КОНСТАНТИН вместо НЕГО управлял.

Тот же корону не взял, занимаясь иными делами.

Мир с изумленьем внимал братскому спору за трон.

Жив благой АЛЕКСАНДР, воплотился ТЫ в БРАТА по смерти,

Чтобы ТЕБЯ НИКОЛАЙ с близкими не разлучал.

Власть ТВОЮ переняв, управляет ОН мудро державой.

Дух ТВОЙ в себя ОН впитал, трона наследником став.

Рад ТЫ теперь в небесах, созерцая правление БРАТА,

Рад и что власть КОНСТАНТИН БРАТУ охотно вручил.

Горд в душе АЛЕКСАНДР, убедившись в согласии БРАТЬЕВ:

Зависть неведома ИМ, помощь окажут всегда.

Чуть беда не стряслась, когда власть перешла к НИКОЛАЮ,

Но растоптал ОН змею, БРАТСКОЙ любовью храним.

Вот теперь, словно ПЁТР, на коне попирающий змея,

Встал пред народами ОН, Богом ведомый герой.

Ты, Россия, гордись, что ВЛАСТИТЕЛЕЙ этих взрастила,

Миру принёсших всему чистые мысли СВОИ.

Будь счастливой втройне от единства высокого БРАТЬЕВ,

Давших защиту тебе и благодатный покой”.

Особой благодарности удостоилась мать нового императора, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Ф.Б. Грефе вспоминает её первое посещение Академии наук в 1776 г. К ней и её царственному сыну обращены слова:

«МАТЬ! Сколь счастлива ТЫ, если род ТВОЙ цветёт так чудесно.

ТЫ ещё полная сил, как когда-то, идя под венец,

Ровня вы с ПАВЛОМ во всём. В храм науки вошла ТЫ невестой.

Тихо! Услышьте, друзья: крики несутся “Ура”.

Звон как будто плывёт — это толпы ликуют народа.

Вышел на улицы он славить ЦАРЯ своего.
ОН навстречу спешит, уваженья народа до-
стойный.

К нам ИМПЕРАТОР идёт — сам НИКОЛАЙ
ВЛАСТЕЛИН.

Будь всеблагим, ГОСПОДИН, и займи СВОЁ
место по праву.

Милость СВОЮ прояви. Как же мы ждали ТЕБЯ!»

Воздав должное правителям, под чьим неизмен-
ным покровительством находилось главное науч-
ное учреждение страны, Грефе обращается к со-
кровищам Академии наук. Вначале он описывает
мемориальные предметы кабинета Петра I: воско-
вую персону императора, его личные вещи, трофеи
и инструменты:

“Воск материей был для создания ЦАРСКОЙ
фигуры.

Мудрый ПРАВИТЕЛЬ и сам должен быть в жиз-
ни как воск

Для воспитания сердец у людей, ЕГО воле под-
властных,

Будучи разумом САМ закалённым подобно скале,

Что средь моря стоит, как утёс непокорный стихии.

Здесь и доспехи ЦАРЯ, и рубаха ЕГО, и камзол.

Их ИМПЕРАТОР носил, СВОИМ духом высо-
ким блистая.

Вещи другие здесь есть, что ЕМУ были нужны.

Есть приборов набор, инструменты и даже трофеи,

Что доставались в бою, в войнах с врагами ЕГО.

Был ОН искусству не чужд: здесь представлены
ценные вещи.

Были вручную они сделаны, радуя глаз”.

Далее поэт восхищается палеонтологической
коллекцией и мамонтом — гордостью и украшени-
ем зоологического отдела Кунсткамеры. Напомним,
что скелет мамонта с фрагментами шкуры был об-
наружен охотником О. Шумаковым в дельте реки
Лены в 1799 г., а в 1806 г. адъютант М.И. Адамс, нахо-
дившийся в то время в Якутске, организовал раскоп-
ки и доставку скелета в Санкт-Петербург. Одними
из первых эту диковину осмотрели Александр I и его
супруга Елизавета Алексеевна [24, с. 199]:

“Тайны будто раскрыв, свои недра Земля пока-
зала

И, первобытности сын, — мамонт свой облик
явил.

Мощные бивни его и размеры слона-исполина

Прочно в основу легли многих преданий о нём.

Ты на гиганта взгляни: это — чудо животного
мира,

Дальний потомок его, слон — будто бы карлик
пред ним”.

Большим разнообразием отличалась минерало-
гическая коллекция, преобразившаяся старания-
ми академика В.М. Севергина, который разместил
минералы по систематическому и географическому
принципам с учётом последних научных достиже-
ний. Обновлённая экспозиция открылась для пу-
блики в 1820 г. [24, с. 216–220]:

“ПЁТР ВЕЛИКИЙ ценил собирание этих со-
кровищ,

Чтобы увидело свет то, что на пользу идёт.

Вот, ПОВЕЛИТЕЛЬ, взгляни: щеголяет земель
ТВОИХ Плутос.

Весь в украшениях он, взятых из недр кладовых.

Недр богатство ТВОИХ составляют, конечно,
металлы:

Золото, медь, серебро, есть и железо ещё.

Руд достаток в земле, но и с неба оно прилетает.

Мрамор оттенков любых и самоцветов полно”.

Недра богаты не только полезными минералами
и металлами, но и таят в себе рукотворные произ-
ведения. Археологические раскопки явили миру
невероятные сокровища:

“Что за чудо в руке? Украшенья блестят зо-
лотые,

Словно жемчужин набор яркий браслет создают.

ЦАРЬ, прими от Земли это золото новою жертвой

В знак возвращенья для нас лучших времён зо-
лотых”.

Выдающейся была нумизматическая коллек-
ция. Ф.Б. Грефе знал толк в античной нумизма-
тике, заведовал академическим Минцкабинетом
и одновременно служил в Нумизматическом каби-
нете Эрмитажа. В 1823 г. академический кабинет
обогатился систематизированным собранием гре-
ческих и римских монет (более 10 тыс. предметов)
П.К. Сухтелена, который уступил свою коллекцию
Академии наук за 50 тыс. руб. Незадолго до юбилея
Грефе составил каталог этого собрания и всей кол-
лекции кабинета. Здесь были представлены монеты
из разных областей Древней Греции (упоминаются
Беотия, остров Эгина, Афины в Аттике), персид-
ская золотая монета дарик и медный римский асс,
а также монеты Северного Причерноморья (города
Тавриды) [24, с. 221–230]:

Рис. 4. Медаль в память столетнего юбилея Академии наук, аверс и реверс, 1826 г.
Медальер Ф.П. Толстой

“Путь наш проложим туда, эллины царствуют где
С их искусной рукой, создававшей шедевры чеканки.

Солнце свободы для них ярко светило с небес.

И лишь рабство, увы, этот факел искусства гасило.

Здесь есть монеты Афин, свет из которых проник

В Рим, и даже до нас донесли этот факел Хариты,

Мир облетела сова, с драхмы афинской слетев.

След замечен её и в Египте с Афиною вместе.

Есть черепахи чекан, ставшей Эгины гербом.

Вот Беотии щит и другие эмблемы соседей.

Таврии здесь города, той, что любима ТОБОЙ.

Хлеб когда-то она поставляла для Аттики древней.

На Феодосию глянь, Ольвия тоже здесь есть”.

Далее упоминаются медали с изображениями российских царей работы немецкого медальера И.Б. Гасса:

“Вот монеты, взгляни, всех правителей нашей
России,

Княживших как на Руси каждый в уделе своём,

Так и царивших поздней, когда стала единой
Россия”.

Здесь же Ф.Б. Грефе обращает внимание на “новое поступление” — медаль, посвящённую столетию Академии наук [25]. Она была изготовлена Ф.П. Толстым, но в составлении легенд для неё на латинском языке принимал участие сам Грефе. На лицевую сторону помещён профиль Николая I, а на оборотную — Афина, возлагающая лавровый венок на герму с изображениями Петра I и Александра I. Так, с помощью аллегорий медаль указывала на дав-

ние глубокие связи Академии наук и императорского дома. Для реверса Грефе предложил следующий вариант надписи: сверху “*Divis suis conditoribus et sospitatoribus*”, на герме “*a Petro I ad Alexandrum I*”, внизу “*Imperialis Academia scientiarum Petropolitana primis saecularibus sacris die ... MDCCCXXVI*” (“Августейшим своим основателям и покровителям от Петра I до Александра I Императорская С.-Петербургская Академия наук, при торжестве первого столетия в день ... 1826 г.”). Но император повелел заменить латинские надписи русскими. Так, в окончательном варианте на аверсе были нанесены надписи: по кругу “Б[ожьей] М[илостью] Николай I император и самодержец всерос.”, внизу “Г. Феодор Толстой”. По верхнему ободку реверса: “Основателю и хранителям”. В обрезе: “Импер. С. Петербургская Академия наук. Декабря XXIX дня MDCCCXXVI г.”. Над обрезом у подножия трона: “Соч. и рез. г. Феод. Толстой” (рис. 4) [26]. Медаль представила нового императора Николая I как просвещённого государя и покровителя науки, что обеспечило будущее процветание Академии наук. Кульминацией праздника стало вручение юбилейных медалей именитым гостям: высочайшим особам — золотых, остальным — бронзовых.

“Пред портретом лежит золотая медаль-посвящение,

От Академии знак тем, кто её опекал.

ПЁТР основал этот храм, АЛЕКСАНДР продолжал ЕГО дело.

Первый в начале стоял славного века его,

Ну а второй завершил вековую историю храма.

И Академия, вот, третьего просит ЦАРЯ:

Будь, ГОСУДАРЬ, для неё покровителем в новом столетье!

И наших предков дары волей СВОЕЙ преумножь”.

Далее поэт восхищается сокровищами Египетского музея. Музей был учреждён в 1825 г. в связи с приобретением по распоряжению Александра I коллекции египетских древностей у офицера австрийской армии Ф. де Кастильоне, которые он привёз из Александрии. В собрание поступили мумии в саркофагах, статуи, ушебти (фигурки, которые помещались в захоронения египтян и должны были сопровождать своих хозяев в загробный мир), амулеты, папирусы, сосуды и т.д. [24, с. 231–233]. Отметим, что внимание к Египту было привлечено ещё Египетским походом Наполеона (1798–1801). Ажиотаж усилился после расшифровки иероглифов Ж.Ф. Шампольоном в 1822 г.

“Как изумилась Нева, мёртвых увидев корабль.
Он от Нила пришёл. Мертвецов к нам привёз из Аида,
Чтобы чужой им судья тайны узнать их сумел.
Нам не ясно пока, чем прославились все эти люди.
Труд непростой предстоит, чтобы их мудрость постичь,
Часть ответов дадут письма на папирусных свитках:
Их иероглифы, ведь, сведений ценных полны.
Есть свидетель ещё – статуэтки на теле усопших:
Мёртвых судили они: как была прожита жизнь?
Мы же стремимся теперь прочесть все священные свитки,
Чтобы культуру постичь канувшей в Лету страны.
Раз прислала ЦАРЮ в дар сокровища Александрия –
Здесь повелел АЛЕКСАНДР тщательно их изучать”.

Завершается описание Кунсткамеры астрономической обсерваторией, располагавшейся в башне:

“Ввысь взмывает душа, пирамидам-гробницам подобна,
Ибо она, как орёл, в небо стремится сама,
И потому человек рад родному эфиру и свету.
Знание сверху пришло и туда же вернуться должно.
Шар со звёздами здесь. Его держит Урания-муза.
Образ вселенной тот шар, в обсерваторию вход”.

Своеобразным апофеозом поэмы стал гимн Петербургу и Неве, вечному союзу города и могучей реки. Ф.Б. Грефе прославляет город и монархов, которые заботились о нём, подчёркивает градообразующую роль реки, её исключительное значение в географическом и культурно-историческом ландшафте

Петербурга. Зачином служит миф об основании города на пустынном берегу по воле Петра-преобразователя, при благоволении созидającego начала высших сил. Царь взнуздal и приучил к работе прежде негостеприимный и праздный невиский поток:

“Край, где ОН властелин, диким был и пустынным.

Только лишь пришлый рыбак сеть свою в реку бросал.

Стыд, что мучил Неву за угрюмость её и суровость,

В море мешал ей впадать, радостно волны неся.

Хоть являлась Нева кораблям к судоходству пригодной

И разливалась порой, берег водою покрыв.

ПЁТР услышал мольбу одинокой болотистой речки

И повелел средь болот город создать молодой.

Град прекрасный возник, повинувшись создателя воле.

Солнце за сотню веков таких не видало нигде.

ПЁТР с народом ЕГО, не жалея трудов своих тяжких,

Чудо смогли сотворить, город построив Петров.

ЦАРЬ сначала воздвиг для защиты от врагов крепость,

Чтобы в спокойствии жить храмам, домам, площадям.

Сад у самой Невы был дворцом САМОДЕРЖЦА украшен.

Вольная тотчас река к ЦАРСКИМ припала ногам,

Дав морским кораблям бороздить свою гладкую спину,

Строить причалы на ней, а также мосты возводить.

Град, творенье ПЕТРА, всему миру стал вскоре известен

Мирной торговлей своей, расцветом различных искусств”.

В поэме нашло отражение грозное наводнение 1824 г. Ф.Б. Грефе, будучи свидетелем этого страшного бедствия, пишет о разрушительной силе бурного потока, сравнивает его с “неукротимым конём, гордым своею сбруей и закусившим серебряные удила”. Образ могучей реки подкрепляется ещё и тем, что в греческом и немецком языках слово “река” (ὁ ῥιταμός, der Fluss, der Strom) – существительное мужского рода. Однако неистовство речного потока не могло тягаться с властью императора Александра I, который горько оплакивал несчастье. Грефе

подчёркивает особую сострадательность императора, его роль утешителя и радетеля о своих подданных. В парадигме поэта река не могла быть повинна в произошедшей катастрофе, так как она уже давно была приручена монархами — в стихийном бедствии было виновато враждебное море:

“ЦАРЬ, воззвав к небесам, уронил в её воды слезинку.

Буря утихла тогда, к морю вернулась Нева.

Так ИМПЕРАТОР рукой исцеляет СВОЕЮ все раны,

Властно стихию смирив разбушевавшихся волн.

Но всегда АЛЕКСАНДР волны вечной Невы восхваляет.

Катит для города их с древности эта река”.

Каждый из императоров внёс свою лепту в изящное убранство города, украшение Невы и её набережных. Красной нитью проходит мысль о сакральном предназначении новой столицы, её призвании нести знание, благоденствие и красоту:

“Вот идут корабли, и Нева тем гордится безмерно,
Что ВЛАСТЕЛИНАМ своим благо приносит она.

Из гранита дворцы, их, лаская, Нева целовала.

Нежилась меж островов перед впадением в залив.

Взяв из моря исток, она к морю же и возвращалась

С самых начальных времён так же, как Русь, велика.

Как сияют дворцы, острова украшая собою,

А острова прилегли в мягких объятьях Невы”.

Поэма завершается пророчеством:

“Век пронесётся стремглав; для счастливых потомков однажды

Солнце начнёт новый день, радостных полный надежд.

Я уже буду давно нем тогда под могильной плитой.

Но! Вечная Муза моя новых певцов вдохновит”.

Пророчество Ф.Б. Грефе не сбылось: свой 200-летний юбилей Академия наук отметила в 1925 г. в новых политических условиях, когда стало совсем не до песен, тем более на древнегреческом языке. Но к 300-летию РАН “вечная Муза” вдохновила нового певца возродить к жизни поэму Грефе, и мы впервые обрели полный поэтический перевод на русский язык этого во многих отношениях примечательного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Г.Е. Дореволюционные юбилеи Петербургской академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1 (46). С. 3–10.
Pavlova G.E. Pre-revolutionary Anniversaries of the St. Petersburg Academy of Sciences // Studies in the History of Science and Technology. 1974, vol. 1 (46), pp. 3–10. (In Russ.)

2. Собрание актов торжественного заседания Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетнего её существования 29 декабря 1826 года. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1827.

Collection of Acts of the ceremonial Meeting of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, which took place on the Occasion of its Centenary, on December 29, 1826. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1827. (In Russ.)

3. Смышляева В.П. Российские филологи-классики XIX века: “германовское” направление. Биографический словарь. 2-е изд., исп. и доп. СПб.: Научно-технологические технологии, 2021. С. 130–133.

Smyshlyaeva V.P. Russian Classical Philologists of the 19th century influenced by G. Hermann. Biographical Dictionary. St. Petersburg: Printing House “High Technology”, 2021. (In Russ.)

4. СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 4. Л. 2.
SPbB ARAS. R. X. Op. 1-G. D. 4. S. 2. (In Russ.)
5. *Graefe Ch.F. TH KAIΣAPEIAI PERI EΠICTHMΩN AKADHMIAI EN PETPOY POΛEI THN EKATONTOTIN EAYTHΣ PANHΓYPIN TO ΠPΩTON AΓOYΣH KΘ TOY ΔEKEMBPIOY H TOUTOY AΩKΣ ETOTYΣ. St. Petersburg, 1826.*

6. СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 4. Д. 495/IV-7. Л. 1.
SPbB ARAS. R. VI. Op. 4. D. 495/IV-7. S. 1. (In Russ.)

7. *Graefe Ch.F. Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg bey Ihrer ersten Saecular-Feier den XXIX. Dezember MDCCCXXVI. St. Petersburg, 1826.*

8. Ермолаева Е.Л. Петербургская мифология на древнегреческом в поэме Ф.Б. Грефе к 100-летию Императорской Академии наук (1826) // *Philologia Classica. Petropoli. 2020. Т. 15. Вып. 2. С. 371–393.*

Ermolaeva E.L. St. Petersburg Mythology in an ancient Greek Poem by F.B. Graefe on the 100-year Jubilee on the Imperial Academy of Sciences (1826) // Philologia Classica. Petropoli. 2020, vol. 15, iss. 2, pp. 371–393. (In Russ.)

9. СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-У. Д. 6. Л. 1.
SPbB ARAS. R. X. Op. 1-U. D. 6. S. 1. (In Russ.)
10. *Вуттекер Ц.Х. Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999.*

- Whittaker C.H.* The origins of modern Russian Education: an intellectual Biography of count Sergei Uvarov, 1786–1855. De Kalb, 1984.
11. *Шевченко М.М.* Сергей Семёнович Уваров // Против течения. Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Государственный университет, 2005. С. 344–411.
Shevchenko M.M. Sergei Semionovich Uvarov // Against the Stream. Historical Portraits of Russian Conservatives in the first third of the 19th century / Ed. by A.Yu. Minakov. Voronezh: State University, 2005. Pp. 344–411. (In Russ.)
 12. *Шевченко М.М.* Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 1. С. 267–334.
Shevchenko M.M. Experience of Sergei Uvarov's Autobiography. 1852 // Notebooks on Conservatism: The Almanac. 2018, no. 1, pp. 267–334. (In Russ.)
 13. *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук в контексте государственной политики в области просвещения в первой половине XIX в. // Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг. исторические очерки / Ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 24–69.
Basargina E.Ju. The Imperial Academy of Sciences in the context of State Policy in the Field of Education in the first half of the XIX Century // Imperial Academy of Sciences on the Path of Renewal in 1801–1855. Historical Essays / Ed. and comp. E.Yu. Basargina. St. Petersburg: Printing House "Nestor-History", 2021. Pp. 188–254. (In Russ.)
 14. *Ouvaroff S.* Études de philologie et de critique. St. Petersbourg: Imprimerie de L'Académie impériale des sciences, 1843.
 15. *Уваров С.С.* Избранные труды / Сост. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М.: РОССПЭН, 2010.
Uvarov S.S. Selected Works / Comp. V.S. Parsamov, S.V. Udalov. Moscow: Russian political encyclopedia, 2010. (In Russ.)
 16. *Герцен А.И.* Собранные сочинения в 30 т. Т. 8. Былое и думы. Ч. 2. Гл. XVII. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
Herzen A.I. Collected works in 30 vols. Vol. 8. My Past and Thoughts. Part 2. Ch. XVII. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. (In Russ.)
 17. *Ast F.* Über den Geist des Altertums und dessen Bedeutung für unser Zeitalter. Landshut: Attenkofer, 1805.
 18. *Григорьев В.В.* Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870.
Grigoriev V.V. Imperial St. Petersburg University during the first 50 years of its existence. St. Petersburg: Printing house of V. Bezobrazov, 1870. (In Russ.)
 19. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению университетского совета читанная ректором университета Петром Плетнёвым на публичном торжественном акте, 8-го февраля 1844 года. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844.
The first quarter of century of the Imperial St. Petersburg University. A historical overview, read by the university rector Pyotr Pletnev at a public ceremony on February 8, 1844. St. Petersburg: Printing house of military educational institutions, 1844. (In Russ.)
 20. *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 1. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893.
Nikitenko A.V. Memoirs and diary (1826–1877). Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of A.S. Suvorin, 1893. (In Russ.)
 21. *Schmid G.* Zur Russischen Gelehrten-geschichte. S.S. Uwarow und Chr.Fr. Gräfe // Russische Revue. 1886, Bd. 26, S. 77–108, 156–167.
 22. *Уваров С.С.* Воспоминание об академике Фр. Грефе. Письмо президента Императорской Академии наук (Читано в заседании 6 февраля 1852 г.) // Учёные записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 46–50.
Uvarov S.S. Memoirs on Academician Fr. Graefe. The Letter of the President of the Imperial Academy of Sciences (6 February 1852) // Bulletins of the Imperial Academy of Sciences, I and III Departments. 1852, vol. 1, iss. 1, pp. 46–50. (In Russ.)
 23. О назначении особого академика для греческой и латинской словесности при Академии наук // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование императора Александра I, 1802–1825. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1825. С. 1282–1283.
On the appointment of a special academician for Greek and Latin literature at the Academy of Sciences // Collection of resolutions for the Ministry of Public Education. T. 1: The reign of Emperor Alexander I, 1802–1825. St. Petersburg: Printing House of the partnership "Public Benefit", 1825. Pp. 1282–1283. (In Russ.)
 24. *Басаргина Е.Ю.* Академические музеи // Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг. Исторические очерки / Ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 188–254.
Basargina E.Ju. Academic museums // Imperial Academy of Sciences on the path of renewal in 1801–1855. Historical essays / Ed. and comp. E.Yu. Basargina. St. Petersburg: Nestor-History, 2021. Pp. 188–254. (In Russ.)

25. *Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А.* Медаль в память столетнего юбилея Императорской академии наук // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1244–1253.
Basargina E.Ju., Kirikova O.A. A Commemorative Medal on 100 Year Jubilee of the Imperial Academy of Sciences // Herald of an archivist. 2018, no. 4, pp. 1244–1253. (In Russ.)
26. СПбФ АРАН. Р. XIII. Оп. 1. Д. 58.
 SPbB ARAS. R. XIII. Op. 1. D. 58. (In Russ.)

POEM BY ACADEMICIAN CH.F. GRAEFE FOR THE CENTENARY OF THE ACADEMY OF SCIENCES

E.Yu. Basargina^{a,*}, M.N. Dodeus^{a,*}

^a*St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

^{*}*E-mail: spbaran_publications@bk.ru*

The poem by academician of Greek and Roman literature Ch.F. Graefe, dedicated to the centenary of the Imperial Academy of Sciences, became a highlight of the anniversary events. It was written in Greek (and also translated by the author into German) and was intended for the President of the Academy of Sciences S.S. Uvarov, whom Graefe had been mentoring in classical disciplines for many years. A poetic translation of the poem into Russian was prepared for the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. The article examines the main plot lines of the poem: a eulogy to the imperial family, a review of the collections of the Kunstkamera museum, a hymn to St. Petersburg and admiration for the power of the Neva.

Keywords: Ch.F. Graefe, S.S. Uvarov, commemoration, panegyric poetry, classical philology, Academy of Sciences.